

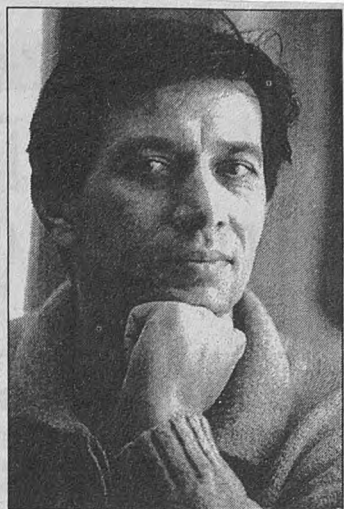
СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, в ноябре в Доме кино вы показали свой новый фильм «Трасса». О чем он?

— Это история о трех днях жизни семейного бродячего цирка. Двое взрослых с шестью детьми кочуют вдоль трассы «Россия—Казakhstan» на маленьком, развалившемся автобусе. Он даже не имеет стартера, и они каждый раз заводят его вручную. В городах они показывают свои незамысловатые представления. Они потомственные циркачи и без цирка жить просто не могут.

— Говорят, что после того, как этот фильм почти не заметили на фестивале документальных фильмов в Нионе, вы его перемонтировали. Это правда?

— Нет, просто этот фильм было сложно делать. Предыдущие

сейчас, когда многие считают, что документального кино в России просто нет, на престижных международных фестивалях в Нионе и Лейпциге российские фильмы признаны за образцы лучшей школы современной документалистики. Имя режиссера Сергея Дворцевого, снявшего такие документальные фильмы, как «Счастье» и «Хлебный день», как это водится, больше известно за границей. В январе на фестивале в Екатеринбурге его новый фильм «Трасса» завоевал Гран-при.

Сергей Дворцевой собирается экранизировать библейские заповеди.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

МАСТЕР НАБЛЮДЕНИЯ

Режиссер Сергей Дворцевой:
«Монтаж — это вранье. Я снимаю живое кино»

фильмы я снимал сам, работал и как звукорежиссер, и как продюсер. «Трасса» была большим европейским проектом, мы сотрудничали со многими западными телеканалами. Продюсером была француженка, и она рекомендовала нам записать звук в Чехии. А в Чехии документального арт-кино никогда не было. И они искренне удивлялись, что нам на это кто-то дал деньги. Мы спешили к Нионскому фестивалю, а спешка никогда до добра не доводит. Целиком я увидел картину только на фестивале. После я немного ее перемонтировал, прежде всего по звуку.

— А велика ли в документальном кино разница между замыслом и тем, что выходит на экран?

— Велика. Я никогда не пишу сценарий. Когда прихожу на место и вижу живых людей, то все меняется. Можно иметь базисную идею и в процессе съемки стараться ее развивать.

— Для съемок «Хлебного дня» вы нашли деревню, в которую не привозят продукты, и ее жителям, в основном пенсионерам, приходится самим толкать вагон с хлебом от ближайшей станции до деревни — километра два. Как вы находите такие сюжеты?

— Я стараюсь внимательно вслушиваться в любой разговор. Так было и с «Хлебным днем»: совершенно случайно я увидел по НТВ репортаж. Решил поехать, посмотреть и на месте понять, что нужно делать фильм. «Трассу» я решил снимать тоже совершенно случайно: был у своих родителей в Чимкенте и увидел на базаре этот бродячий цирк. И сразу стало ясно: нужно снимать. Я всегда ищу такие сюжеты, где рай и ад существовали бы одновременно. И когда у меня есть «все краски», я начинаю работать.

— Вас называют мастером наблюдения, вы снимаете то, чего взгляд обывателя не замечает. Поделись секретом, как у вас это получается?

— Режиссер должен любить жизнь такой, какая она есть. Вообще люди, и режиссеры в том числе, делятся на две категории. Первые примиряются с жизнью. Вторые не удовлетворены жизнью и стремятся ее приукрасить. Если ты любишь жизнь, значит, ты любопытный, а если ты любопытный и тебе интересна жизнь, можно говорить о технологии отображения этой жизни. А сама технология — дело наживное.

Свои фильмы я снимаю интуитивно. За месяц до начала съемки я начинаю жить вместе с будущими героями. Смотрю, наблюдаю. Это очень сложное время, потому что мой мозг 24 часа в сутки фиксирует все, что происходит вокруг. Только тогда я начинаю понимать, как сделать фильм. Постепенно я начинаю приучать своих героев к камере: сначала не снимаю, просто ставлю к камере, не включая ее. Через неделю включаю камеру — она жужжит, люди привыкают, расслабляются и начинают говорить искренне, как и прежде. У любого человека есть в жизни

моменты, когда он полностью раскрывается — эти моменты и надо зафиксировать.

— Вы провоцируете такие ситуации?

— Нет, надо ждать. В «Счастье» есть момент, когда мальчик ест кашу, ест, ест, падает набок и засыпает. Ну как это спровоцировать? Я просто наблюдал за ним и думал: что в нем может быть интересного? И увидел то, что было запечатлено на пленке. Я понял, что дети в таком возрасте при определенных нагрузках могут просто так «свалиться» — и это могло произойти и в следующий раз. Позже поймал. В этом кадре — вся уникальность этого мальчика и уникальность происходящего. Ведь за каждым кадром стоит неделя-две ожиданий и поисков.

— Документальное кино должно быть непредсказуемым?

— Да, конечно. Режиссер должен быть готов к съемке в каждую секунду. Часто документалисты говорят героям: «Здесь мы поставим камеру, ты пройди туда, сделай то». Это игровое кино, только любительское. Мне так снимать неинтересно, и ради этого я бы не стал портить пленку. И свою жизнь. У меня все происходит неожиданно, и я не знаю, что произойдет в следующую секунду — только могу предполагать. Ты должен быть готов к изменениям в жизни своих героев и уметь молниеносно принимать решения. Иногда бывает немного страшно. Фильм как рентген: о тебе все становится ясно — талантливый ты или нет.

— Виктор Косаковский очень точно сказал: «Документальное кино — это очень сложная вещь. Шаг влево — и получается фотокартонка на память, шаг вправо — и игровой фильм». Как вы удерживаетесь на этом «лезвии»?

— Я снимаю без монтажа. Монтаж — это вранье. Я снимаю живое кино. Мне многие говорят, что кадр в «Хлебном дне», когда коза входит в магазин, инсценирован. Но я просто знал, что, если коза почувствует запах хлеба, она обязательно войдет. Когда мы увидели козу около магазина, мы быстро установили камеру, и она зашла — будто специально.

— Не кажется ли вам, что, снимая людей, вы вторгаетесь в их жизнь?

— Да, это абсолютно верно. И поэтому я не снимаю свои фильмы часто. Я понимаю, что эксплуатирую чужие жизни. С этой проблемой можно только смириться: либо я работаю так, либо не работаю. Тем не менее я стараюсь уменьшить вред от съемок: прежде чем снимать, спрашиваю у людей разрешения. Некоторым мы стараемся помогать: одним — словами, другим — деньгами. Когда снимали «Хлебный день», мы провели свет в поселок, где велась съемка.

Некоторые говорят: «Я не буду касаться личной драмы», тогда кино не получается. По большому счету, режиссер — это дьявольская профессия, потому что ты лазаешь, разбрасываешь лю-

дей, умываешь ручки и уходишь. В неигровом кино немногим удается остаться людьми.

— Почему вы до сих пор работаете в документальном кино, ведь оно не приносит денег?

— Я работаю не за большие деньги, я работаю за удовольствие. После «Трассы» многие западные телеканалы делают мне предложения, но я отказываюсь: мне неинтересно. Я избалованный режиссер в том плане, что всегда снимал, что хотел, а сейчас не хочу и не снимаю. И не планирую свои будущие фильмы зарабатывать.

— Ваши творческие планы?

— Я занимаюсь несколькими проектами. Первый — это хроника современной Москвы. Я буду искать уникальные вещи, снимать три года. А в 2003 году на этом материале сделаю фильм о Москве начала века. Что касается финансирования, то я хотел бы, чтобы оказало помощь Госкино. Сегодня почти никто не снимает хронику, и та малая часть, которую я снимаю, уйдет за границу моим спонсорам.

И еще один игровой проект. Американцы собираются снимать фильм по десяти Христовым заповедям. Для каждой заповеди — отдельная новелла. Уже согласились работать Агнешка Холанд и Вернер Херцог. Я не знаю, какую заповедь мне предложат, но сама идея мне очень нравится.

— А документальные арт-фильмы вы еще будете снимать?

— Я люблю документальное кино, но стал чувствовать, что дохожу до эстетического предела, где так влезать в частную жизнь мне становится очень сложно. Пока не решу этот вопрос, я буду снимать игровое кино. Хотя в будущем все равно планирую вернуться к документальным фильмам. ■

из досье «НГ»

Сергей Дворцевой родился в 1962 г. В 1982 г. окончил авиационное училище в Кривом Роге, в 1989-м — радиотехнический факультет Новосибирского электротехнического института, а в 1993-м — Высшие режиссерские курсы (мастерская Гуревича и Зеликина). Снял три полнометражных документальных фильма: «Счастье» (1994), «Хлебный день» (1998), «Трасса» (1999). Его фильмы отмечены десятком наград, в том числе на фестивалях в Нионе, Лейпциге. Последняя награда — Гран-при российского фестиваля неигрового кино «Россия» за фильм «Трасса».